

Там, впереди,— очертанья аулов.
В сумерках смутно дорога видна.
Пляшут крестьяне, погонщики мулов,
Пляшут, слегка захмелев от вина.

Пляшут, заботы забыв на мгновенье,
Тяготы сбросив с натруженных плеч.
Мулы и люди, восторг и забвенье,
Стройное пенье, нестройная речь.

Разве у жизни — одни лишь посулы?
Сбудется все, чего жаждет душа!
С робкой веселостью движутся мулы,
Пляшут погонщики: жизнь хороша!

Вечер как путник бредет запоздалый,
Будто внезапно очнувшись от снов,
Травы и речки, деревья и скалы
С завистью смотрят на двух плясунов.

Выпили горцы-крестьяне немного,
Пляшут — за мулами — навеселе.
Кажется им, что ровнее дорога.
Мягче, нежней вечера на земле.

Кажется им, что ни дома, ни в поле
Не было смерти и тяжких потерь.
Не было голода, горечи, боли,—
Было всегда хорошо, как теперь!

Кажется им, будто хмелем удачи
Их с головы окатило до ног.

Нет их счастливей, и нет их богаче,—
Пуля не тронет, сробеет клинок.

Все им доступно, подвластно их силе,
Не обманула надежды судьба,
Блиzkих и милых года не скосили,
Как никогда, уродились хлеба.

К ним и болезни дорогу забыли,
Дети растут, словно в райском саду.
Как никогда, развилось изобилье
В горских селениях в этом году.

Будто их жены красивей всех женщин,
Будто их овцы жирней всех овец,
Будто все знанья — у них, деревенщин,
Что ни старик, то знаток и мудрец.

Будто старухи, и жены, и вдовы
Разом утратили злость языка,
Будто у каждого стали коровы
В три раза больше давать молока.

Будто в них новые силы вдохнуло
Счастье, которому имени нет.
Выпили горцы, погонщики мулов,
Пляшут, как будто не ведали бед...

1967